

Гражданин Европы: только миф?¹

ЮРГЕН ХАБЕРМАС, ФРЭНСИС ФУКУЯМА

Когда новая книга ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА «Кризис Европейского союза: ответ» поступила на полки книжных магазинов, *The Global Journal* попросил Фрэнсиса Фукуяму взять у автора интервью. В своем разговоре именитые собеседники формулируют самые насущные для Европы вопросы: дальнейшая политическая интеграция Европы, ее демократические основы, роль граждан в будущем континента. Это уникальное интервью подводит нас также к вопросам глобального управления. Европа по-прежнему служит многообещающей лабораторией идей для нового политического порядка.

Фрэнсис Фукуяма: Господин доктор, я очень ценю пафос вашей новой книги «Кризис Европейского союза». Мне кажется, что из-за кризиса евро Европа движется в сторону политического союза совершенно иного типа, но ошибочным образом работа над этим ведется как над связанным с элитами технократическим вопросом, который может быть решен без прямого обращения к европейской общественности. Никто из элиты не хочет снова возвращаться к конституционным вопросам, но демократическая подотчетность требует, чтобы столь важное изменение было результатом политического консенсуса, выстроенного вокруг совещательных общественных дебатов. Базис, на котором вы хотите заново основать Европейский союз как совместный продукт индивидуальных граждан и народов, также представляется мне разумным.

1. Перевод выполнен по изданию: © The European Citizen: Just a Myth? // The Global Journal. May–June 2012. № 11. P. 47–53. Публикуется с любезного разрешения редакции.

Юрген Хабермас: Конечно, нельзя недооценивать исторические заслуги отцов-основателей и правительств государств — членов ЕС, которые были двигателем процесса объединения или, по крайней мере, до сих пор его поддерживали. Более того, с годами пассивное одобрение Европы ее народами создало тенденции с долгосрочными последствиями. До сих пор большинство населения почти во всех государствах — членах ЕС демонстрировало благожелательную терпимость. Она основывалась также на эгоистическом интересе — пока процесс объединения всем приносил выгоды — хотя и по-разному. Правительство Германии смогло вернуть себе международную репутацию, ратуя за объединение Европы, а для восточноевропейских стран после 1989–1990 годов перспектива присоединения к ЕС выступила стимулом и подспорьем при переходе к демократическому капитализму. Финансовый кризис, вялотекущий начиная с 2008 года, разрушил это положение вещей. Кризис вскрыл структурный недостаток валютного союза, который политики недооценили во время введения евро. Здравая бюджетная политика со стороны отдельных государств-членов, к которой в настоящей момент призывает Ангела Меркель, сама по себе не может преодолеть экономический дисбаланс между экономиками национальных государств на разных стадиях развития и с разной экономической культурой; для этого нам требуется транснациональное координирование политики и европейское соглашение по разного рода экономическим мерам, призванным исправить специфические недостатки конкретных стран. Для того чтобы получить общее экономическое правительство, выходящее за рамки простого управления, однако, необходимы конституционные и политические изменения. Государствам — членам Европейского валютного союза придется передать дополнительные полномочия институтам в Брюсселе. Станет очевидным перераспределение бремени поверх национальных границ, и одно это вызывает к усилению прав парламента в Страсбурге. В конце концов, именно потребности экономики ведут Европейский союз к кризису легитимации и требуют, чтобы проект технократических элит был переведен на иное основание, а именно чтобы он предполагал большее участие населения. Но Вы совершенно правы, указывая на то, что до сегодняшнего дня ни одному из правительств-участников и ни одной из политических партий не хватило смелости представить гражданам такой политический проект.

Ф. Ф.: Мой первый вопрос касается значения европейского гражданства. Из двух конститутивных опор вашей новой Европы, та, что связана с народами, в настоящий момент гораздо луч-

ше сформирована и еще больше укрепилась за счет сопротивления, вызванного текущим кризисом. С другой стороны, абстрактный идеал европейского гражданства существовал всегда, с самых первых дней Европейского союза, и находит свое выражение в голосовании в Европейском парламенте. Но в данный момент он имеет очень незначительное эмоциональное или сущностное содержание. Вы говорите об «ожидании, что рост взаимного доверия среди народов Европы приведет к возникновению транснациональной формы гражданской солидарности граждан союза, пусть и в смягченном виде»². Но на чем будет основываться это доверие?

Ю.Х.: Позвольте мне по отдельности обратиться к нормативным и эмпирическим аспектам вашего вопроса. Идея «общего суверенитета» — разделяемая европейцами в их роли граждан ЕС и теми же самыми людьми в их роли граждан одного из национальных государств, входящих в союз, — должна развиваться от самых корней процесса создания конституции. Эта идея имеет важные последствия для нашего понимания будущей формы демократизированного политического союза. Если мы хотим перестать увильживать от вопроса о «конечной цели» процесса объединения, нам следует заложить правильные параметры. Федеральное государство по модели США или ФРГ — ошибочная модель, означающая постановку нереалистически амбициозной цели — более амбициозной, чем это нужно или разумно. Нет необходимости вводить новый уровень федеральной администрации; почти все административные функции могут остаться у стран — членов союза. А Комиссия, которая трансформировалась бы в правительство, не должна отчитываться преимущественно перед Европейским парламентом, как того требует модель федерального государства. Для целей демократической легитимации было бы достаточно, чтобы европейское правительство в равной мере отчитывалось перед Европейским парламентом и перед Европейским советом, в которых представлены национальные правительства.

Из эмпирической перспективы ваш вопрос задает болезненное место. Верно, что граждане всегда будут иметь более тесные связи со своими национальными государствами, чем с Европейским союзом. Однако нынешний недостаток взаимного доверия между европейскими народами является также следствием провала политических элит. Последние до сих пор избегают всех европейских тем; в своем национальном публичном пространстве

2. *Habermas J. The Crisis of the European Union: A Response. Cambridge, UK: Polity Press, 2012. P. 29.*

они перекладывают на «Европу» вину за принятие непопулярных решений, в которых сами принимали участие в Брюсселе. Еще важнее, что до сих пор ни в одном из государств-участников ни разу не проводились европейские выборы или европейский референдум, достойные этого имени; граждане голосовали только по национальным вопросам и выбирали среди национальных политиков, тогда как европейские вопросы и мандаты были, по сути дела, скрыты. В результате этого безответственного поведения политики сегодня оказались перед дилеммой. Поскольку во время текущего кризиса граждане поняли, как глубоко политические решения, принимающиеся в Брюсселе, уже сейчас отражаются на их повседневной жизни, их интерес возрос. Но если бы граждане правильно истолковали это свое подозрительное внимание к европейским вопросам, они бы осознали и то, что разделяют общую судьбу.

Ф.Ф.: Разве не происходит очень быстрого регресса?

Ю.Х.: Нужно отличать долгосрочные тенденции от вызывающих эмоции текущих событий. Двумиризм, с которым правительства европейских государств последние два года относились к финансовому кризису, скандально. Они вели переговоры за закрытыми дверями и подделывали результаты из страха перед своими избирателями. Это разжигает взаимные национальные предрассудки и оказывает соответствующее воздействие на общественные настроения, отражающиеся в опросах общественного мнения. С другой стороны, Европа уже давно стала чем-то само собой разумеющимся для молодого поколения. Представляете, как будут выглядеть опросы общественного мнения в случае роспуска валютного союза? Ведь молодые люди будут ошарашены, если вдруг придется показывать паспорта и снова по шестнадцать раз менять деньги, когда они автостопом путешествуют по Европе.

Ф.Ф.: Вы помещаете ваш конституционный проект в контекст «демократического легального приручения и облагораживания государственной власти». Это, конечно, с самого начала было ключевым элементом европейского проекта.

Ю.Х.: Не так всё просто. Здесь мы имеем дело с самым первым примером такой адаптации суверенного национального государства — и даже скорее первого поколения особенно уверенных в себе национальных государств с собственным имперским прошлым — к постнациональной констелляции нового мирового общества.

Ф.Ф.: Но разве не вызвана слабость нынешней европейской идентичности тем фактом, что она описывалась преимущественно в негативных категориях, то есть быть европейцем означает быть против войны, против национального эгоизма и т. п., вместо того чтобы описываться в положительных категориях, например: «Я горжусь, что я — часть европейской цивилизации, которая представляет то-то и то-то» (и перечислить позитивные ценности)? Как в таком случае мы определяем эти ценности, и какого рода образовательный проект необходим для того, чтобы придать им смысл?

Ю.Х.: Ян Вернер Мюллер, молодой профессор политических наук из Принстонского университета, недавно ответил на распространенные обвинения относительно «провала европейских интеллектуалов» аргументом, который я нахожу убедительным. Ожидания, согласно которым интеллектуалы должны построить «большой европейский нарратив», европейскую «идентичность» при помощи нового мифа об основаниях, остаются заложниками «логики XIX века», утверждает он. Хорошо изученная ныне история о том, как историография, пресса и школа «изобрели» в XIX веке национальное сознание, ввиду ее ужасающих последствий, подает не самый хороший пример. Мы в Европе все еще не изжили формы этнонациональной агрессии — как это показывает, даже внутри ЕС, пример Венгрии. Вот почему, по моему мнению, достаточно процитировать пару примеров конкретной демографической и экономической статистики, чтобы напомнить самим себе о снижающемся весе Европы в мире и спросить, не следует ли нам взять себя в руки, если мы хотим сохранить возможность защитить свои культурные и социальные формы жизни от нивелирующей силы глобальной экономики — и, что еще важнее, сохранить какое-то влияние на международную политическую программу в соответствии с нашими универсалистскими представлениями.

Ф.Ф.: Но разве предлагаемое вами переоснование не требует полного переосмысления понятия гражданства на европейском уровне?

Ю.Х.: Вы совершенно правы. Но не нужно недооценивать интеграционный эффект прошлых конфликтов. У европейских народов есть общая история конфликтов и примирений, она вполне может послужить ресурсом для создания общей политической культуры. Конечно, политика памяти в национальных государствах действует в обоих направлениях: она разделительная в националистском прочтении, интегрирующая — в рефлексивном.

Но вообразите себе кампанию, построенную вокруг альтернативы между «больше» или «меньше» Европы: сама эта тема подтолкнет к поискам перспективы, которые, в лучшем случае, поддержат усилия ведущих медиа по изложению и сравнению друг с другом национальных взглядов. Более того, учитывая поляризующую кампанию по поводу альтернативного будущего Европы, мы не должны забывать об интеграционных эффектах самого этого процесса конкуренции. Несмотря на их приверженность общему делу, проевропейские партии до сих пор разделены по привычным линиям. Пока одна сторона хочет обеспечить более эффективную поддержку рыночного либерализма, другая намерена наделить Европейский союз наднациональным органом для регулирования рынков — что, если и возможно, то только в масштабах континента. Эти дебаты сами по себе способствовали бы делу единой Европы, потому что программный раскол на либералов и социал-демократов впервые прошел бы поверх линий национальных союзов; он бы открыл дверь для европейской внутренней политики и дал стимул для формирования европейской партийной системы.

Ф.Ф.: Мне кажется, что более широкий вопрос об интеграции был поднят на уровне государств — членов ЕС в ответ на страх перед провалом усилий по интеграции мусульманских меньшинств, но определения гражданства при этом стали формулировать более, а не менее партикуляристским образом. Есть ли способ совладать с этой темой и «европеизировать» ее?

Ю.Х.: Я, наоборот, ожидаю, что нации, сталкивающиеся у себя дома с постколониальной проблемой толерантного включения мусульманских культур, с большей готовностью откроются друг другу внутри европейского контекста в результате прогресса в либерализации своих собственных обществ.

Ф.Ф.: Я знаю, что Ваша книга написана с точки зрения нормативной теории, а не как практическое руководство для современных лидеров. Но меня интересует, как Вы оцениваете вероятность того, что Европа в ближайшее время пойдет на пересмотр конституции и проведет реальные дебаты по этим вопросам. У меня сложилось сильное впечатление, что низовая поддержка углубления Европы в данный момент очень мала как на севере, так и на юге Европы, поэтому никто не хочет сейчас снова поднимать конституционный вопрос.

Ю.Х.: Ваше описание верно в текущих условиях. Но ситуация крайне изменчива. Вы не должны забывать, что резолюция о так

называемом Бюджетном пакте (*Fiscal Compact*) уже представляет большой шаг в направлении координирования экономической политики на европейском уровне. Она создала динамику, принуждающую правительства к принятию мер. Политический класс не может больше исключать из повестки ключевые политические вопросы. Знакомая сегментация европейской политики по национальным сценам уже нарушена. Национальные парламенты и суды встревожены, а национальные медиа вынуждены все больше показывать, как финансовые меры, принимаемые в Брюсселе воздействуют на внутренние процессы и способствуют «спасению» кредитоспособности государств и банков. Дополнительный стимул — осознание поразительного аспекта этого кризиса: впервые крах финансовой системы, которая была одновременно и самым высокоразвитым сектором экономики и величайшим бенефициаром глобального капитализма, был предотвращен или, по крайней мере, замедлен, только благодаря непреднамеренному вкладу граждан в их политической роли налогоплательщиков. Наверняка, эта динамика может еще больше развести народы. Но так или иначе, этот статус-кво больше не сможет продолжаться в знакомом технократическом ключе.

Ф.Ф.: Вы призываете к тому, чтобы заново основать не только ЕС, но и ООН, одновременно и для государств, и для граждан. Но что в институциональном плане может придать веса гражданам в авторитарных странах вроде Китая и Северной Кореи, если они не имеют голоса при выборе своих собственных лидеров? И как эти страны будут реагировать, если каким-то образом ООН станет поддерживать их собственных критиков?

Ю.Х.: Согласитесь, что если даже экономисты приблизительно не смогли предсказать второй глобальный экономический кризис, делать прогноз в отношении такого сложного образования, как международная политика в новом глобальном обществе, было бы чистым шарлатанством. Однако можно попытаться различить некоторые эмпирические тенденции и предвосхитить соответствующие политические проблемы. Я бы провел различие между редкими движениями угнетенных народов и социальных классов, с их амбивалентными, но в конечном счете прогрессивными последствиями, и нормальной правительственной деятельностью, которой приходится постоянно реагировать на систематические — в первую очередь, экономические — проблемы. Давайте сначала рассмотрим последний аспект.

Глобализация рынков и коммуникационных сетей за последние три десятилетия создала вместе с новым мировым сообществом и потребность в его координации. Эта потребность боль-

ше не может быть удовлетворена быстрым распространением международных организаций. Эти организации основываются на международных договорах и неспособны поддерживать политику, способную обратить вспять процессы, несущие крупные глобальные угрозы. Они уже недостаточны для того, чтобы регулировать финансовые рынки, предотвратить угрозу климатических изменений и экологического дисбаланса, контролировать риски крупномасштабных технологий и направить решение конфликтов в связи с распределением уменьшающихся ресурсов, таких как нефть и вода, по мирным каналам. Я уже не говорю о противостоянии росту социального неравенства в национальных обществах и по всему миру. Борьба с этими проблемами требует создания новых институтов, способных вести глобальную внутреннюю политику. В час величайшей нужды в ноябре 2008 года «Большая двадцатка» государств, впервые встретившись в Лондоне, действительно приняла поразительные резолюции по регулированию финансовых рынков. Но почему они остались без последствий?

Глобальное обеспечение прав человека — это совершенно другой вопрос. Здесь нормативный прогресс обычно достигается через борьбу, вероятно, движимую нерешенными системными проблемами. История также разворачивается в этом направлении, как это типично амбивалентным, но не слишком предсказуемым образом продемонстрировали волнения в арабских странах.

Ф. Ф.: Не указывает ли провал попытки Совета безопасности оказать влияние на Сирию на то, что гуманитарное вмешательство далеко от того, чтобы стать консенсуальным актом осуществления международного правопорядка³, но по-прежнему остается глубоко политическим решением, которое будет резко оспариваться в будущем? А следовательно, подобные нарушения прав человека все еще очень далеки от признания в качестве универсально разделяемой моральной озабоченности?

Ю.Х.: Какое влияние это, теперь уже единодушное, давление окажет на жестокость режима Асада, еще предстоит увидеть. В данном случае едва ли можно говорить о том, что моральные реакции международного сообщества как-то разделились. Скорее дело в том, что ООН в ее нынешнем виде слишком слаба для того, чтобы навязывать свою волю в стратегически тупиковых ситуациях на Ближнем Востоке. Похожие случаи представляют собой Северная Корея и Иран. С другой стороны, трудно пред-

3. *Habermas J. The Crisis of the European Union: A Response.* P. 61.

сказать, будет ли становящаяся в данный момент констелляция мировых держав, — а именно многосторонний мир, постепенно приходящий на смену господству сверхдержав, — поддерживать затянувшуюся реформу мировой организации или же будет подорван даже тот слабый уровень готовности к сотрудничеству, которого мы достигли.

Ф. Ф.: Мне очень близка Ваша трактовка генезиса современного понимания человеческого достоинства: оно укоренено в христианском восприятии морали, затем было секуляризировано и универсализировано Кантом и неразрывным образом связано с признанием. Одна из характеристик западных концепций достоинства, однако, — это четкая граница, проведенная между моральным статусом человека и моральным статусом нечеловеческого природного мира. Это резко контрастирует со многими восточными религиями, склонными помещать и человеческую, и нечеловеческую природу в континуум, в котором первая теряет особый привилегированный статус, тогда как духовными характеристиками наделяются даже неодушевленные предметы. Это ведет одновременно и к более низкому уровню защиты прав человека, и к более четкому ощущению ответственности за природу. Похоже, мы на Западе теперь движемся, так сказать, на восток, стирая это различие. Меня интересует Ваше мнение: должна ли эта четкая граница быть стерта? и если да, то как?

Ю.Х.: Это крайне интересный вопрос. Межкультурный дискурс о правах человека, действительно, сдвинулся с места за прошедшие двадцать лет. У меня сложилось впечатление, что иудеохристианскому Западу (и арабскому миру?) могла бы принести пользу хорошая доза «коммунитаризма», знакомого нам по цивилизациям Востока, сформированным буддизмом и конфуцианством. Западный капитализм нуждается в корректировке своей избирательно либертарианской, по крайней мере, либерально-индивидуалистической интерпретации свобод. Я считаю, что мы должны подчеркивать единое происхождение либеральных и демократических гражданских прав, а также систематическую связь между этими классическими гражданскими правами и базовыми социальными и культурными правами.

Что касается Вашего вопроса, я хотел бы провести различие между сомнительной новой духовной очарованностью природой, с одной стороны, и желательным возвращением утраченного морального отношения к страданиям природных созданий — с другой. Разве азиатским цивилизациям не приходится также

предпринимать, хотя и по-своему, шаг, сделанный западным модерном при переходе от метафизически-космологического мировоззрения к постметафизическому мышлению? В нашей культуре этот шаг создал основание для неинструментального отношения к науке — к науке как к неотъемлемому компоненту нашего самосознания — а, с другой стороны, для рационального понимания морали и закона. В конце концов, моральное отношение к животным и растениям и к природе в целом не зависит от религиозного и метафизического мировоззрения, — иными словами, оно не зависит от проецирования характерного для языковой коммуникации отношения «Я–Ты» на весь мир в целом.

Перевод с английского Инны Кушнаревой